

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Федулов Игорь Николаевич

К.ф.н., доцент ВГПУ, г. Волгоград

E-mail: infedoulov@mail.ru

Для современной философии и методологии науки весьма важным представляется вопрос о правомерности выделения теории в гуманитарных науках в качестве самостоятельной единицы методологического анализа. Возможно ли существование теорий в социально-гуманитарных науках, которые бы по своей логической структуре, проверяемости, фальсифицируемости и прочим параметрам соответствовали бы теориям естествознания? На этот счет имеются разные точки зрения. С. Ларсен в двух своих работах, опубликованных в составе редактируемых им коллективных монографий [3, с. 11 - 52; 4, с. 7 – 18], придерживается мнения, что это в принципе возможно, хотя оговаривается, что «внешний вид» теорий может сильно различаться. Он определяет теорию как общее утверждение, определяющее причинно-следственное отношение (или корреляцию) между одной зависимой и одной или несколькими независимыми переменными [3, с. 30]. Легко видеть, что такое определение теории вполне соответствует определению, даваемому логикой [1, с. 333]. Здесь можно разглядеть и основополагающие принципы, и систему идеализированных объектов, и правила вывода, и сами вводимые законы. Однако с выделением и генерализацией указанных составляющих научной теории в гуманитарной сфере часто возникают трудности. Особенно трудная ситуация возникает при попытках эксплицировать *законы* в теле гуманитарной научной теории. Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой установить законы в социальных науках невозможно из-за способности человека интерпретировать и использовать свое знание об обществе в своих действиях.

Поскольку интерпретации постоянно меняются и испытывают влияние изменений, происходящих в обществе, возникают явления, не могущие быть адекватно интерпретированы и объяснены на «языке прошлого». Поэтому-то и создание теорий, актуальных более или менее продолжительное время в общественных науках невозможно. Эту точку зрения поддерживали, в частности, Ч. Тейлор [10] и К. Поппер [7].

Л. Витгенштейн, напротив, усматривал невозможность построения полноценной теории в социо-гуманитарном знании в изменении не столько самой реальности, сколько языка и правил построения языковых конструкций, описывающих ее. «Наше использование языка определяется правилами, но правила — будучи социальными институтами — динамичны, гибки и склонны изменяться... причем, как и в каком направлении изменения будут осуществляться, предсказать невозможно... [Они] не основаны на рационально предсказуемых, универсальных образцах» [3, с. 27]. Поскольку же и явления, и их интерпретации, и сами правила языка — новые, исследователи неспособны сформулировать теории, объясняющие существующие и прогнозирующие новые явления. Общим в данных точках зрения является то, что все они акцентируют изменчивость и не придают большого значения устойчивым, общим особенностям (инвариантам) в развитии знания, языка, интерпретации.

Критику возможности существования и выдвижения теорий в социально-гуманитарном знании на сегодняшний день можно свести к нескольким ключевым пунктам. Во-первых, возражения могут носить идеологический характер. Каждая научная школа развивает свой собственный взгляд на процессы, происходящие в обществе, и, как правило, расходится во взглядах с представителями других школ. Хрестоматийный пример — советская обществоведческая школа, стоявшая на марксистских позициях, подвергала критике все теории, которые не использовали в качестве базовых постулатов

идеи «классовой борьбы» и «экономического детерминизма» в развитии общества.

Во-вторых, возражения могут касаться особенностей универсализации и генерализации закономерностей. Спектр мнений достаточно широк: от частичного признания до полного отрицания постулатов строящихся теорий. И если представители умеренно антисциентистских течений все же допускают в принципе существование адекватных реальности теорий общества при условии, что удастся преодолеть все искажения в понимании подлинных мотивов поступков людей, то постмодернисты категорически отрицают саму возможность теоретического обобщения в социальных и гуманитарных науках. Мотивы поступков строго индивидуальны и не могут быть обобщены, поэтому универсальных взаимосвязей не существует. Исторические и культурные события, политические решения локальны и также индивидуальны и нерегулярны, кроме того, явно нерациональны и зависят от непрерывно меняющегося социального и культурного контекста. Кроме того, существуют научные школы (например, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана), представители которых утверждают искусственность, «сконструированность» общественных отношений, которые в силу этого носят теоретически непредсказуемый, случайный характер. Очевидно, что утверждение этого равносильно отрицанию каких бы то ни было закономерностей в развитии общества. Мы полагаем, что факты, надежно установленные обществознанием, не подтверждают позицию социальных конструктивистов. Более того, нетрудно показать внутреннюю противоречивость подобной точки зрения: если социальные отношения случайны, невозможно их систематическое изучение средствами науки и, следовательно, невозможно даже утверждать что они именно *случайны*, а не являются следствием законов настолько сложных, что они неподвластны нашему разуму.

Ну и наконец, третья группа возражений относится преимущественно к логике самой теории, и на наш взгляд является самой интересной и дискуссионной. При изучении социума нелегко (а подчас и невозможно) отделить часть от целого, а причину от следствия. Соответственно, простые «механистические» модели и теории на практике работают очень плохо, если работают вообще. Традиционно именно эта особенность социально-гуманитарного знания (невозможность начинать изучение общественных и культурных явлений с самых простых моделей, далее постепенно усложняя их) считалась главным среди того, что отличает его от знания естественнонаучного. Однако, с открытием квантовой физики, а позже и синергетики оказалось, что схожие логические проблемы имеются и у них. «Линейный» мир ньютоновской физики совсем не похож на сложный нелинейный мир синергетики, он вечно стремится к равновесию и в нем невозможна никакая самоорганизация. Поэтому усложнение линейных уравнений теоретической модели нелинейными членами настолько резко и кардинально изменяет ее поведение так, что следствия порой не берутся предсказать и сами исследователи. Иногда в подобных случаях говорят о *хаотизации* поведения системы и очевидно, что случайность (то есть невозможность прогнозирования) в этом случае — неотъемлемое свойство системы, а не досадное следствие неполноты знаний о причинах явлений, как думали когда-то.

В общественном знании ситуация очень похожая. Экономистам (и не только им) известна модель «свободного рынка», изобретенная более двухсот лет назад, в которой невозможны ни глобальные резкие отклонения от равновесия (кризисы), ни самоорганизация, следствием которой является, например, образование транснациональных корпораций. Данный пример хорош тем, что даже непосвященному ясна несостоятельность этой модели. Более адекватная реальности фрактальная экономическая модель, имплицитно содержащая в себе

и более высокую вероятность глобальных кризисов, и способность к самоорганизации, неизмеримо сложнее [5, 6].

Как же строится научная теория в социально-гуманитарном знании? Представители разных научных направлений и школ дадут разные ответы на данный вопрос. Однако, многие (если не большинство) из них предпочтут взять за основу хорошо разработанную методологию естественных наук, в связи с чем между структурой социально-гуманитарных и естественнонаучных теорий будут наблюдаться весьма четкие и недвусмысленные параллели. Так, например, А.В. Юревич, анализируя структуру теорий в психологии, выделяет двухуровневую организацию теории «центр – периферия» [9], также свойственную физическим теориям [8]. Кроме того, в психологических теориях также, как и в естественнонаучных, присутствует иерархия абстрактных объектов («образ реальности» → «центральная категория» → «центральный феномен»). Подобные аналогии можно встретить в теориях из других областей социально-гуманитарного знания.

Случайно ли это? Являются ли описанные параллели лишь побочным результатом использования естественнонаучной методологии при анализе гуманитарных теорий или они отражают объективно существующие закономерности в их структуре? Прежде чем ответить на данный вопрос вспомним, что теория всего лишь отражает некоторые наиболее существенные черты изучаемого явления и ни в коем случае не может претендовать на его исчерпывающее описание. Поэтому любая теоретическая модель есть некоторым образом ограниченная объективная реальность, и построить теоретическую модель — значит задать вполне определенное отношение ограничения на некотором множестве объектов. С точки зрения логики теоретической моделью является некоторое отображение, заданное на множестве всех возможных свойств изучаемого объекта. Поскольку количество свойств любого реально существующего объекта ничем не ограничено, то

процесс построения теоретической модели представляет собой ни что иное, как воплощение известного метода диалектики — восхождения от «абстрактного к конкретному» в форме ограничения количества рассматриваемых свойств и выделения среди них наиболее существенных с точки зрения той или иной теории. Сформулированный в таком виде «принцип ограничений» был введен в арсенал философии и методологии науки С.В. Илларионовым еще почти полвека назад, будучи успешно примененным к анализу физических теорий [2]. Однако, как мы видим, указанный принцип может быть распространен и на область социально-гуманитарных наук.

Карлу Попперу приписывают авторство максимы, в сжатом виде звучащей как: «Теория запрещает». В такой формулировке она, по-сути, является концентрированным выражением введенного в обиход им же известного принципа фальсификации, определяющего границы применимости теорий и служащего для демаркации научного знания от ненаучного, претендующего на «всеохватность». *Теория* при помощи *законов* должна не только объяснять наблюдаемые феномены и предсказывать, что может случиться и действительно случается при определенных условиях, но и указывать на то, что при данных обстоятельствах произойти не может, давая своего рода «отрицательный прогноз». С этой точки зрения попперов «принцип фальсификации» и рассмотренный нами выше «принцип ограничений» эквивалентны. И именно эта их эквивалентность и позволяет нам утверждать справедливость принципа ограничений не только как естественнонаучного принципа, но и как общенаучного.

В структуре теорий, относящихся традиционно к сфере гуманитарного знания, например, политологических (как, впрочем, и любых других), также можно проследить влияние «принципа ограничений» с той лишь разницей, что формулируемые запреты не выражены столь явно, как в естествознании. Они носят, скорее, статистический характер и являются тенденциями, отражаемыми

в законах данной теоретической модели. Именно невозможность полной формализации теории в гуманитарных науках затрудняет экспликацию как позитивных, так и негативных утверждений. Тем не менее, и здесь возможны определенные суждения. Например, известный политологам эмпирически установленный кубический закон распределения мест в парламенте в соответствии с результатами голосования на выборах гласит, что отношение числа депутатских мандатов при двухпартийной системе равно (приблизительно) кубу отношения голосов, поданных на парламентских выборах за данные партии [3, с. 86]. Таким образом, множество возможных отношений числа мест в парламенте (вообще говоря, бесконечное) в рамках данной модели оказывается сильно ограниченным и, как следствие, конечным. При этом возможность эмпирической проверки данной теории напрямую зависит от того, насколько формализована теоретическая модель, то есть насколько однозначно указано отношение между причиной (в данном примере это отношение голосов, полученных на парламентских выборах партиями) и следствием (отношением числа мест в парламенте). Указание на существование какой-либо не вполне определенной зависимости делало бы теорию бессодержательной, поскольку расширяло бы множество возможных вариантов реализующихся на практике отношений количества парламентских мест, практически исключая возможность установить зависимость между ним и отношением голосов избирателей и, тем самым, получить отправную точку для прогнозов в конкретных ситуациях. С другой стороны, указание на квадратичную, логарифмическую, пропорциональную и т. п. зависимость (т. е. *ограничение* модели тем или иным образом) уже позволяет проверять и предсказывать, относительно быстро отсеивая неподходящие зависимости путем сравнения с эмпирическими данными. Характерно, что в данной теории явным образом указаны границы применимости кубического закона (избирательные округа должны быть одномандатными, партий должно быть не больше двух),

что наводит на мысль с возможными параллелями из области естественнонаучных теорий.

Похожая ситуация складывается и в психологических теориях. Упомянутый нами выше А.В. Юревич указывает, что при построении психологических теорий наблюдается сходная ситуация. Общий образ психической реальности задается сквозь призму центральной категории теории (психика — это деятельность, психика — трансформация образов, психика — это поведение, психика — это взаимодействие сознательного и бессознательного и т.д.), что фокусирует внимание исследователей на одном определенном аспекте психики в ущерб другим и, таким образом, как нельзя лучше иллюстрирует действие принципа ограничений.

Возвращаясь к вопросу, поднятому в начале статьи, можно заключить, что имеются серьезные предпосылки полагать основные структуры естественнонаучных и гуманитарных теорий если не тождественными, то по крайней мере схожими. Структурная схожесть в свою очередь дает основания для унификации методологических и логических средств исследования теорий и открывает пути к межпредметным обобщениям. Предсказательные же свойства гуманитарных теорий определяются не только адекватностью теоретической модели реальности, но также и тем, насколько четко оформлена ее логическая структура. Не последнюю роль при этом играет степень формализации описываемых теорией закономерностей. Поскольку в гуманитарных и социальных науках не удастся упростить объект настолько, чтобы исключить из поля зрения произвол, связанный со свободой выбора, то, следовательно, никогда не удастся получить жестко детерминированную закономерность, обладающую максимальной предсказательной силой. Тем не менее, прогнозирование в этой области знания вполне возможно, если под ним понимать вероятностный, статистический прогноз.

Вспомним, что именно предсказательная, прогностическая способность теории не в последнюю очередь способствовала тому, что философы и методологи науки в свое время в большинстве своем признали ее основной структурной единицей методологического анализа естественнонаучного знания. Поэтому, опираясь на сказанное в настоящей работе, мы полагаем, что теория сохраняет свой методологический потенциал также и в сфере гуманитарных наук. Причем для прогнозирования необходима четко очерченная (ограниченная) формальными средствами модель изучаемого явления; от степени формализации модели зависит простота верификации выводов самой теории.

Список литературы:

1. Теория // Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
2. Илларионов С.В. Принцип ограничений в физике и его связь с принципом соответствия. // Вопросы философии, 1964 г., №3. С. 96 – 105.
3. Ларсен С. Введение // Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. Ларсена; Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009.
4. Ларсен С. Введение // Теория и методы в социальных науках / Под ред. С. Ларсена; Пер. с англ. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
5. Мандельброт Б., Хадсон Р.Л. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах. Пер с англ. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. — 400 с. ил.
6. Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы. Пер с англ. — Москва – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004. — 256 с.

7. Поппер К. Ниццета историцизма. // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 29-58.
8. Степин В.С. Теоретическое знание: структура и историческая эволюция. — М., 2000.
9. Юревич А.В. Структура теорий в социогуманитарных науках. // Наука глазами гуманитария. / Отв. ред. В.А. Лекторский. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 688 с. С. 202 - 228
10. Taylor C. Philosophical Papers. 2 vol. — Cambridge, 1985.